

ГЛАВА 4.

Лев и единорог.

Сочетание единорога и льва имеет древние корни в мировой культуре, причём оно могло символизировать дуальные оппозиции, например, мужское и женское начала²⁶⁶. В христианской традиции символическим источником этого сочетания, по-видимому, был текст Псалтири (21, 22): «Спаси меня от пасти льва и от рогов единорогов...». Некоторое значение мог иметь и библейский вариант описания трона царя Соломона, где упомянуты не только львы, но и тельцы: «И сотвори царь престол от костей слоновых велий и позлати его златом искушенным: шесть степеней престолу, и образы телцов престолу создади, и верх престола кругл бе создади его, и руце сюду и сюду на престоле седалища, и два льва стояща при руках, и дванадесять львы стояще ту на шести степенех сюду и сюду: не бяше тако во всяком царстве» (Елизаветинская Библия).

Наиболее яркие визуальные образы этой пары в европейской культуре представлены уже упоминавшейся серией гобеленов «Дама с единорогом» (1484–1500 гг.) из собрания Национального музея Средневековья «Клюни» в Париже (здесь лев и единорог выступают в качестве фигур, обрамляющих центральные композиции) и не менее известными щитодержателями государственного герба Великобритании, символизирующими: лев – Англию, а единорог – Шотландию, и восходящими (в этом гербе) к эпохе объединения двух стран под властью короля Якова (Джеймса) I в начале XVII в. (пара, неоднократно обыгрывавшаяся в английской литературе от народных детских песенок до «Алисы» Л. Кэрролла).

В традиционной русской культуре противостояние льва и единорога нашло отражение в «Голубиной книге»: два зверя борются за главенство и лев побеждает²⁶⁷. Между тем, в изобразительном плане парная эмблема льва и единорога появляется в русской культуре позднее, чем собственно эмблема единорога. Спорадически изображения единорога и льва известны ещё с 30-х гг. XIV в., но это лишь единичные случаи: Васильевские врата Троицкого собора Александровой слободы – иллюстрация «Повести о Варлааме и Иоасафе», резной великокняжеский посох конца XV – нач. XVI в.²⁶⁸

К концу XVI в. относятся изображения льва и единорога на знамёнах войска Ермака (начало 1580-х гг.)²⁶⁹, на среднике «Октоиха», изданного Московским Печатным двором (1594 г., если только переплёт книги аутентичен времени издания)²⁷⁰, XVI веком датируется и железная оковка деревянных сундучков²⁷¹. Однако наибольший «расцвет» парная эмблема приобретает со времён первых Романовых. На братине дьяка Петра Алексеевича Третьякова, поднесённой

Ил. 48 Детали брадины П.А. Третьякова, 1618 г.
Рис. Ф.Г. Солнцева.

его женой Михаилу Фёдоровичу в 1618 г. (очевидно, иностранной работы) лев и единорог изображены среди других эмблем, поддерживающих щитки с надписями (ил. 48)²⁷². Особенную популярность эта пара приобретает с 1620-х гг., появившись и на военных регалиях – налuche саадака Большого наряда Михаила Фёдоровича 1627–1628 гг., сделанном также иностранными мастерами Золотой палаты (правда, не в столь очевидном виде, об эмблемах саадака см. далее)²⁷³. В дальнейшем количество парных изображений льва и единорога возрастает. Они известны на книжных переплётках, печатях частных лиц XVII в., посуде, украше-

ниях дверей, изразцах, белокаменном декоре зданий, чернильницах (вероятна связь с символикой Печатного двора), на предметах вооружения и т.д.²⁷⁴ Р.А. Симонов и затем Н.А. Мерзлютина даже выделили несколько типов этих композиций. Но трактовки самого сочетания/противостояния льва и единорога применительно к русскому материалу остаются не слишком удовлетворительными. Предположение Р.А. Симонова о символизации противостояния Владимирского и Московского Великих княжеств, базирующееся на версии, что лев на протяжении семи веков был гербом Владимирского княжества, с точки зрения исторической геральдики представляется крайне уязвимым²⁷⁵. Допущение же Н.А. Мерзлютиной о сочетании царской и сатанинской (!) символики в едином эмблематическом контексте и вовсе выглядит невероятным²⁷⁶. Тем более, что её гипотеза о пластинах костяного трона Ивана Грозного, на которых помещены лев и единорог по сторонам двуглавого орла, как прототипе последующих изображений льва и единорога в русской культуре, абсолютно ошибочна, поскольку сами пластины, как показала И.А. Бобровницкая, сделаны не ранее XIX в.

Между тем, необходимо учитывать и тот факт, что в период Московского царства на различных предметах известны как одинарные изображения львов и единорогов, так и парные сочетания. Причём сами эти сочетания различны: это могут быть единорог и лев, лев и единорог, два единорога (наиболее ранний пример – уже упоминавшееся седло Ивана Грозного, XVI в.²⁷⁷), два льва, а также сочетания этих зверей с другими животными символами (например, одноглавым орлом и грифоном). Анализ всех типов композиций до сих пор не проводился, что, безусловно, затрудняет и их интерпретацию. Кроме того, семантика конкретных эмблем, как и сочетаний эмблем, во всех случаях и типах композиционного и эмблематического «решения» далеко не обязательно могла быть одинаковой.

Тем не менее, кажется возможным связать некоторые случаи парной эмблемы «единорог и лев / лев и единорог» в русской культуре XVII в. с солярно-лунарной символикой, причём не только по вероятному генезису (такое толкование отмечается в древневосточных культурах), но и по актуальному восприятию жителей Московского царства того времени. В самом деле, по крайней мере, в четырёх случаях существует возможность предполагать это с большой долей вероятности:

1. *Каменные львы и единороги на Спасской башне Московского кремля.*

Фроловская (с 16 апреля 1658 г. Спасская) башня Московского кремля в 1624–1625 гг. была надстроена малым четвериком, на который поставлен высокий восьмерик, увенчанный восьмигранным шатром. Надстроенная часть получила богатый декор, включающий белокаменные скульптуры, 16 из которых размещены на щипцах аркады нижнего четверика с четырёх сторон башни (ил. 49). В настоящее время эти изваяния представляют собой реставрационные копии XIX–XX вв., выполненные довольно грубо. Это фигуры львов и непонятных животных, которых в научной литературе называют «химерами». Однако, как показал А.В. Гращенков, первоначально эти скульптуры изображали львов и единорогов, причём они были выполнены весьма реалистично²⁷⁸. Приведённые исследователем фотографии двух сохранившихся с XVII в. скульптур, ныне утраченных (фотографии датируются 1918–1920 гг.) позволяют отметить следующие детали – обе фигуры сидят на задних лапах, их морды обращены вверх, хвост льва продёрнут между задних лап (в соответствии с древнерусской изобразительной традицией), а хвост единорога лежит между задними ногами, пасть льва открыта и язык поднят вверх, в передних лапах лев держит сферу, и такую же сферу удерживает передними ногами единорог. Вероятно, сочетание львов и единорогов (судя по фотографиям, львы находились слева от смотрящего, а единороги справа) повторялось вдоль всех

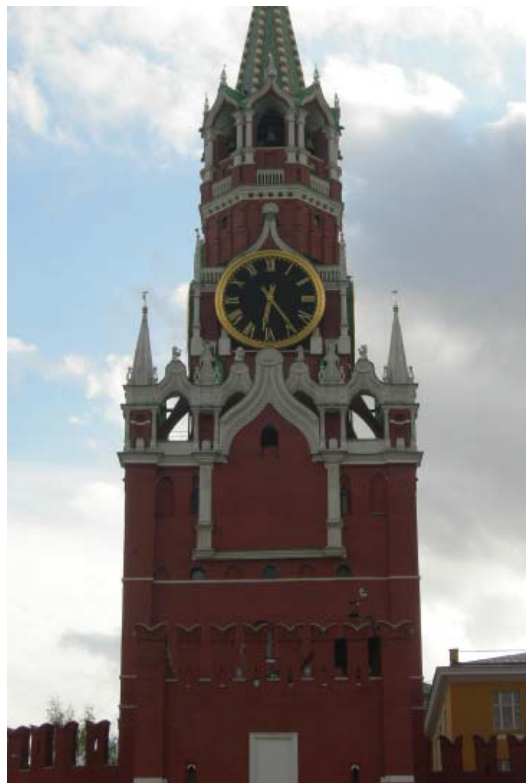
четырёх фасадов башни. В центре верхних частей парадных фасадов нижнего четверика – обращённых к Красной площади и кремлю восточного и западного – находятся большие вимперги, декоративные завершения которых сливаются с резной аркадой четверика, увенчанной скульптурами зверей. В этих вимпергах находились в XVII в. циферблаты башенных часов. В подобных же вимпергах на фасадах верхнего четверика, где находятся циферблаты современных часов, в XVII в. помещались изображения небесной сферы со знаками зодиака и звёздами. А.В. Гращенков совершенно справедливо подчёркивает тот факт, что фигуры львов и единорогов с поднятыми мордами были обращены к небесной сфере.

В то же время они находились по сторонам и как бы над циферблатами часов, которые сопровождалась также четырьмя человеческими скульптурами, стоявшими в нишах, нижние плоскости козырьков которых украшены изображениями солнца с лучами. Известно, что суконные одеяния для фигур были сделаны в 1624 г.²⁷⁹ Нельзя не согласиться с исследователем в том, что существующее в историографии мнение, будто эти фигуры были первоначально обнажёнными, вряд ли соответствует действительности. На мой взгляд, эти четыре человеческие фигуры могли изображать четырёх евангелистов, образы которых соотносились в православной культуре с четырьмя временами суток (утро, день, вечер, ночь)²⁸⁰.

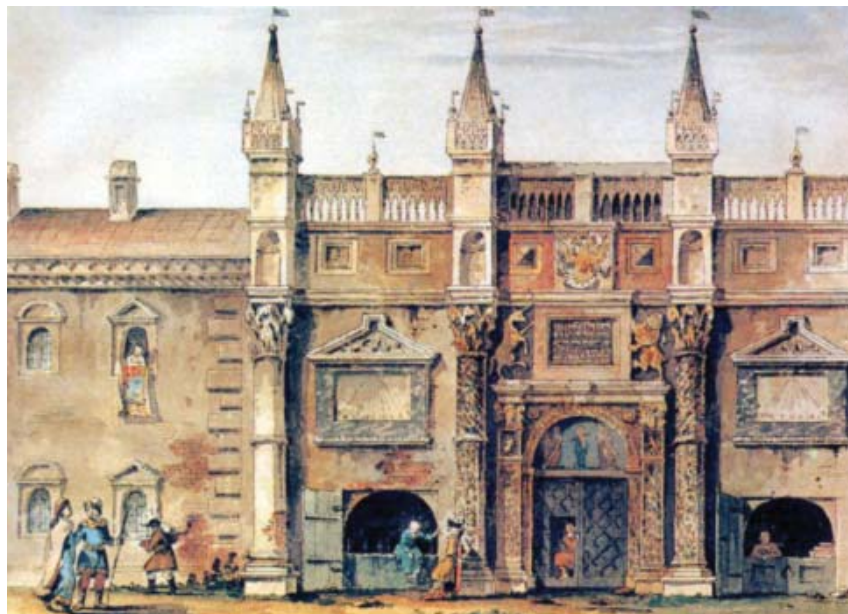
Щипцы вимпергов верхнего четверика со всех четырёх сторон увенчаны фигурами павлинов, чьи хвосты вделаны в восьмерик. Сами фигуры павлинов (весьма примитивно выполненные) – поздние, а хвосты, по мнению А.В. Гращенкова, могут «относиться к подлинным деталям начала XVII в.»²⁸¹. Раскрытый хвост павлина может символизировать звёздное небо²⁸². Именно это значение, вероятно, и имелось в виду, ведь павлины увенчивают вимперги, в которых помещались изображения небесной сферы. С этой сферой связаны и расположенные ниже львы и единороги, которые также держат в лапах сферы – правда, А.В. Гращенков почему-то полагает, что их сферы – это «атрибуты земной власти и владычества», вероятно, отождествляя эти сферы с державой²⁸³. Мне же прочтение символического текста декора башни представляется иным.

Перед нами как бы несколько ярусов календарно-астрономической символики. Верхние части парадных фасадов основного, нижнего четверика башни украшены циферблатами часов, показывающими дневные и ночные часы. В верхней части циферблаты сопровождают фигуры четырёх евангелистов, символизирующие четыре времени суток, причём две центральные фигуры стояли под козырьками с изображением солнечных лучей – а ведь именно благодаря видимому движению солнца происходит смена дня и ночи. Ещё выше идёт пояс львов и еди-

Ил. 49 Спасская башня
Московского кремля.

Ил.50 Здание Московского
печатного двора.
Рис. конца XVIII в.

норогов, обращённых к небесной сфере и держащих в лапах подобие этой сферы. Изображение небесной сферы находится в верхнем вимперге (вимперге верхнего четверика), увенчанном фигурой павлина с раскрытым хвостом. Это как бы следующий «уровень» календарно-астрономической символики – не хронологический, а космологический. Если фигура павлина символизирует звёздное небо, то логично предположить, что и фигуры львов и единорогов также связаны с соответствующей символикой – а именно символизируют солнце (лев) и луну (единорог). Таким образом все элементы декора верхней части башни укладываются в единую символическую систему, имеющую календарно-астрономическую семантику. Такое объяснение представляется непротиворечивым.

Интересующая нас верхняя часть Спасской башни создавалась под руководством известного зодчего Бажена Огурцова. В работах принимал участие и часовой мастер англичанин (шотландец по происхождению) Христофор Галовей²⁸⁴. Однако на нём, вероятно, лежала, прежде всего, задача создания и установки часов, а не разработки самого архитектурного решения башни. Между тем, в историографии высказывалось предположение, что декор башни выполнен в английском стиле «тюдор», характерном для сер. XVI – нач. XVII в.²⁸⁵ Ещё более очевидное сопряжение – это лев и единорог герба Великобритании, из чего рождается умозаключение о, якобы, британском влиянии на появление этой пары как в декоре Спасской башни, так и вообще в последующей русской культуре, благодаря деятельности Галовей²⁸⁶. Это предположение кажется мне крайне поверхностным. Невозможно представить, чтобы столь существенные элементы герба одной страны были прямо заимствованы в эмблематику другой, да ещё и в столь репрезентационном оформлении, как декор главной башни Московского кремля. Скорее речь должна идти о семантике более общего характера, и солярно-лунарная символика выглядит здесь вполне органичной и кажется более предпочтительной.

Как известно, декор Спасской башни повлиял на аналогичное архитектурное оформление Троицкой башни Московского кремля, созданное в 1685 г. Уже отмечалось, что такая соотнесённость соответствует и взаимной семантике обеих башен: если Спасские ворота вели к Государеву двору, то Троицкие – к патриаршим палатам и дворам цариц и царевен²⁸⁷. Хотя декор Троицкой башни и был скромнее, здесь также были помещены скульптуры – возможно львов, единорогов и павлинов. Однако определённо судить об этом трудно, т.к. имеющиеся сейчас довольно примитивные скульптуры зверей и уток представляют собой также поздние реставрационные копии²⁸⁸.

2. Единорог и лев на фасаде здания Московского Печатного двора (1640-е гг.).

Те же мастера, которые занимались надстройкой Спасской башни Московского кремля создали и другое архитектурное сооружение – здание Московского Печатного двора на Никольской улице. Строительством, начавшимся в январе 1642 г. руководил Трефил Шарутин, а в 1644 г. Иван Неверов и «немчин Христофор» возвели каменные ворота с башней. В 1645 г. строительство палат было закончено.

Ил.51 Здание Московского печатного двора. Гравюра Л.А. Серякова.

Можно считать вполне бесспорным, что мастер Христофор и был Христофором Галовеем, тем более, что по своей архитектуре ворота здания Печатного двора напоминали надстроенную часть Спасской башни²⁸⁹. Кроме того, фасад украшали и двое настенных солнечных часов, созданием которых мог заниматься Галовей.

О том, как выглядел старый фасад здания, даёт представление акварель неизвестного художника круга Дж. Кваренги 1790-х гг. (ил. 50) и более поздняя гравюра Л.А. Серякова (ил. 51) (ср. реконструкцию внешнего вида башни Печатного двора М.П. Кудрявцева²⁹⁰ – ил. 52). Непосредственно над воротами помещалась доска с закладной надписью, над которой изображение двуглавого орла. По сторонам доски находились единорог (слева от зрителя, справа от орла) и лев (справа от зрителя, слева от орла), при этом голова льва была повернута анфас. По бокам от единорога и льва на боковых секциях фасада располагались двое солнечных часов, предназначавшихся, очевидно, для определения летнего и зимнего времени. Сочетание льва и единорога с часами, показывавшими и символизовавшими время, не кажется мне случайным. Как и на Спасской башне, лев и единорог

на здании Печатного двора могли иметь всё ту же солярно-лунарную семантику, вместе с часами составляя календарно-хронологический текст в символике декора этого здания²⁹¹.

Иную композицию со львом и единорогом мы видим на печати Печатного двора. Если на фасаде здания единорог располагался слева от зрителя, а лев – справа, то на печати – наоборот. Иными словами, на здании фигуры этих зверей были как бы сориентированы «по орлу», а на печати – «по смотрящему», т.е. по взгляду зрителя. Причём на печати лев и единорог не просто стоят напротив друг друга, но находятся в состоянии борьбы: единорог пронзает льва своим рогом в пасть. Эта особенность композиции позволила Р.А. Симонову даже выделить её как особый тип. Исследователь пишет о двух вариантах парной композиции льва и единорога: «вступающих в контакт» и не вступающих в оный (в последнем случае, как правило, животных разделяет какой-либо третий изобразительный элемент)²⁹². Не вдаваясь в обсуждение причин изображения такого контакта, замечу, что на эмблеме Печатного двора лев и единорог помещены под одной короной, а мотив их борьбы, на мой взгляд, очевиден.

Вероятно, наличие льва и единорога в оформлении как самого здания Печатного двора, так и переплётов книг, здесь издававшихся, способствовало распространению этой парной эмблемы на других предметах, связанных с книжностью и письмом. Уже говорилось, что эта символическая пара часто изображалась на чернильницах XVII в. Таким образом случаи использования этой эмблемы в декоре здания Печатного двора, на печати Печатного двора, на книжных переплётах, на чернильницах, составляли единую символическую традицию.

Здание Московского Печатного двора к концу XVIII в. обветшало, а к 1810 г. было разобрано. Новое здание, существующее и сейчас (ныне Историко-Архивный институт РГГУ), было построено в 1814 г. по проекту архитектора И.Л. Мироновского. Этот проект лишь отчасти соответствовал старому зданию²⁹³. Так, на фасаде были воссозданы двое солнечных часов, но взаимное расположение льва и единорога по сравнению с прежним зданием изменилось (*ил. 53*). Теперь единорог помещался справа от зрителя, а лев – слева, т.е. композиция стала полностью соответствовать тому расположению, которое мы видим на печати Двора и его преемницы, Синодальной типографии. Так пара «единорог – лев» стала на фасаде нового здания парой «лев – единорог» (морда льва обращена в профиль).

Видимо, под влиянием изображений льва и единорога под короной, связанных с московским Печатным двором, львы и единороги под коронами и отдельно украсили шипили здания Исторического

Ил.52 Башня здания Московского печатного двора. Реконструкция М.П. Кудрявцева.

Ил.53 Лев и единорог на фасаде здания Историко-Архивного института РГГУ.

Ил.54 Вид Коломенского дворца. Раскрашенная копия с гравюры Ф. Гильфердинга.

Ил.55 Вид Коломенского дворца с восточной стороны. Гуашь неизвестного художника, 1830-е гг.

музея, здание которого в неорусском стиле было возведено на Красной площади по проекту В.О. Шервуда в 1875–1881 гг.

Вероятно, использование этой парной эмблемы в архитектурном декоре привело к заимствованию льва и единорога (естественно, не в солярно-лунарном символическом значении) в качестве щитодержателей в гербовую эмблему Центрального административного округа Москвы, утверждённую в 2001 г. («Золотой лев, традиционно считающийся царем зверей, и золотой единорог – древний символ московских царей, так же как и пурпурный «царский» цвет щита, символизируют верховную власть России, учреждения которой располагаются на территории округа»).

3. *Единорог и лев, венчающие навершие Столовой палаты Коломенского дворца.*

Судя по описаниям дворца, Столовая палата, построенная при царе Фёдоре Алексеевиче в 1681 г. на месте прежней «столовой избы», была увенчана четырёхугольным кубом лазоревого цвета, остриё которого завершал «орёл на глобусе, между льва и единорога из белого железа»²⁹⁴. Считается, что этот орёл был одноглавый. Правда, на ряде изображений Коломенского дворца XVIII–XIX вв. навершие Столовой палаты выглядит по-другому, хотя и неясно, насколько сами эти изображения аутентичны внешнему виду дворца XVII в. Так, на рисунке Ф. Берхгольца (1740-е гг.?) крышу Столовой палаты завершает шар с сидящим на нём одноглавым орлом, по сторонам которого расположены два льва²⁹⁵. На гравюре Ф. Гильфердинга 1763 г. крышу увенчивают два льва на шаре (ил. 54)²⁹⁶. На трёх из четырёх цветных гуашевых рисунков неизвестного художника 1830-х гг. крыша палаты и увенчивающие её фигуры показаны золотыми. На рисунке «Вид дворца с восточной стороны» на крыше находится шар с двумя львами, держащими корону по типу императорской, между которыми сердцевидное навершие (ил. 55). На рисунке «Вид дворца с западной стороны» то же самое, но голова левого зверя не слишком похожа на львиную. На рисунке же «Вид дворца с северной стороны» навершие крыши представляет собой шар с сидящим на нём одним зверем²⁹⁷. Ясно, что этим изображениям, разнящимся даже между собой, нельзя доверять. На трёх из четырёх акварелей неизвестного художника (художников?) середины XIX в. крыша палаты изображена в одном случае голубой, а в двух остальных зеленоватой. На акварели «Вид дворца с западной стороны» шар крыши увенчан двумя животными, головами обращёнными друг от друга, на акварели «Вид дворца с восточной стороны» – двумя золотыми львами, обращёнными друг к другу под золотой короной, а на акварели «Вид дворца с северной стороны» крышу палаты вообще венчает какой-то золотой лилеобразный цветок²⁹⁸. Очевидно, что и в этих случаях рисунки не дают ясного представления о навер-

шии крыши палаты. Тем не менее, лев и единорог по сторонам одноглавого орла изображены на рисунке фасада дворца П. Макулова и И. Васькова 1768 г., наиболее достоверного из всех изображений²⁹⁹. Аналогичное изображение видим и на рисунке «Вид села Коломенского» Дж. Кваренги 1798 г.³⁰⁰

Изображение одноглавого орла на шаре восходит к древнеримской эмблематике времён Империи. Этот сюжет символизировал апофеоз обожествлённого императора и помещался на реверсе коммеморативных выпусков монет в честь некоторых императоров. Например, орёл на шаре на реверсе монет Тиберия (ассов) и его более отдалённых преемников в честь Августа (Divus Augustus Pater), денариев Антонина Пия в честь Адриана (Divus Hadrianus) и др., вплоть до времени императора Коммода³⁰¹. Орёл был атрибутом Юпитера и символом Рима, шар же символизировал «вечность, не имеющую ни конца, ни начала»³⁰². Одноглавый орёл на шаре в качестве символа Рима в конце XVIII в. был помещён в герб русского дворянского рода Римских-Корсаковых, дабы подчеркнуть их древнеримское происхождение (эта генеалогическая легенда оформилась ещё в конце XVII в.). Возможно, орёл на шаре как символ Рима «первого» мог иметь такую семантику и в конце XVII в. В то же время шар мог символизировать мир как таковой – небесную сферу. Существенно, что крыша Столовой палаты была лазоревого, небесного цвета. И.Е. Забелин выдвинул в своё время предположение, что потолок Столовой палаты был расписан наподобие одной из палат царского дворца в Кремле изображениями небесных светил, звёзд, знаков зодиака, путей планет и т.п.³⁰³ – иными словами, демонстрировал систему мироздания, представляя собой своеобразный средневековый планетарий. Если это так, то и в этом случае лев и единорог могли символизировать солнце и луну.

Возможно, та же символика отражена и в других случаях изображения этой парной эмблемы на Руси. Так, на начальническом прапоре конца XVII в. из коллекции Эрмитажа лев и единорог представлены в противоборстве, причём над ними помещены двуглавый орёл и солнце с луной: солнце над львом, а луна над единорогом³⁰⁴. На некоторых знамёнах эмблемы льва и единорога сопровождаются звёздами.

Эти примеры, когда лев и единорог соединены с часами, небесной сферой, глобусом, изображениями светил и иной календарно-астрономической символикой, могут свидетельствовать в пользу высказанной версии. Возможно, наличие той же пары в декоре церковных зданий, по своей «функциональной принадлежности» теснейшим образом связанных с временем и его проявлениями, также вписывается в этот контекст. Солярно-лунарная символика, воплощённая в эмблемах льва и единорога, вполне могла сопровождать и государственного двуглавого орла. При этом такая интерпретация

вовсе не обязательна абсолютно во всех случаях. На знамёнах, например, лев и единорог вполне могли иметь и более «приземлённый», военно-героический смысл³⁰⁵.

Чем обусловлено соотношение льва с солнцем, а единорога с луной? Здесь напрашиваются вполне очевидные параллели. Лев и солнце – распространённое символическое сопряжение в мировой культуре (как например, в Иране, где это сочетание даже существовало в государственном гербе). Лев ассоциируется с золотом, как и солнце; единорог – с серебром, как и луна. Само изображение луны как месяца (рога луны) естественным образом соединяется с символикой рогатого животного – быка³⁰⁶. Телец мог вполне быть «замещён» единорогом³⁰⁷, как, очевидно, это имело место на саадаке Большого наряда Михаила Фёдоровича. Кроме того, луна или полумесяц в христианской традиции могли ассоциироваться с символикой Богоматери, а солнце – с Христом³⁰⁸. Единорог же (как связанный с понятиями целомудрия и девственности) также мог символизировать деву Марию. Лев в данном контексте уподоблялся солнцу и Христу, единорог – луне и Богоматери.

Возможно, солярно-лунарная семантика рассматриваемой эмблематической пары может прояснить и особенности самого сочетания эмблем. Если единорог расположен слева от зрителя, а лев – справа (т.е. пара представляет собой сочетание не льва и единорога, а единорога и льва), то это может объясняться: или соотношением солнца с правой стороной, а луны с левой (и тогда соотношение правого и левого устанавливается со стороны зрителя, смотрящего на часы, сопровождаемые этими эмблемами), или соотношением единорога со скипетром, а льва – с державой (круг = солнце) (в случае, например, изображений на регалиях), или соотношением Богоматери с правой стороной, а Иоанна Крестителя – с левой (по сторонам Христа). В последних двух случаях принципиален взгляд не «извне», а «изнутри».

Ил.56 Мономахов трон. Царское место в Успенском соборе Московского кремля.

Ил.57 Мономахов трон. Рисунок Ф.Г. Солнцева.

Ил.58 Символы четырёх царств. Фреска Успенского собора во Владимире.